

ЛИКА РУСАЛ

ВОИН
В
ОТРАЖЕНИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДИЛОГИЯ

Ли́ка Ру́сал

**Воин в отражении. Диалогия
под одной обложкой**

«Автор»

2026

Русал Л.

Воин в отражении. Дилогия под одной обложкой / Л. Русал — «Автор», 2026

Одни войны меняют границы государств. Другие — судьбы людей. XII век. Восток охвачен войной. Горят города, рушатся империи, а человеческая жизнь становится разменной монетой. Судьба сводит воина халифата Фаиза и пленницу Гузель — людей, которым сама эпоха запрещает быть вместе. Но даже время не властно над тем, что однажды было predetermined. Спустя столетия прошлое вновь напоминает о себе. Тайны, погребённые под песками древнего Востока, оживают, заставляя новых героев пройти путь, начавшийся девять веков назад. «Воин в отражении» — полное издание дилогии, объединяющее романы «Зов халифата» и «Песчаное сердце». Это история о любви и верности, о долге и милосердии, о цене выбора и силе человеческого духа. История, в которой прошлое и настоящее оказываются связаны гораздо крепче, чем кажется на первый взгляд.

© Русал Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга 1. Зов Халифата	5
Фаиз	5
Агата	10
Глава 2	13
Фаиз	13
Агата	18
Глава 3	21
Фаиз	21
Агата	25
Глава 4	28
Фаиз	28
Агата	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ли́ка Ру́сал

Воин в отражении. Диалогия под одной обложкой

Книга 1. Зов Халифата

Глава 1

Фаиз

Апрель 1125 года, окрестность Каира.

Эта весна выдалась слишком дождливой. Шел 1125 год, второй при правлении Кийа Бузург-Умида, и третий с тех пор, как я пополнил ряды фатимидской армии. Халифат разрастался, подобно грозovým облакам в низовьях Нила. Мы перешли его вброд примерно неделю назад, может, немногим более — не помню точно, так как дни слились в одно серое месиво из грязи под ногами, смрада немытых тел под легкими латниками и криков раненых воинов, повозки с которыми непрестанно катились поодаль от конницы.

Местами подсыхая пыль красного цвета, будто в позабытых Единым Богом землях, с готовностью поднималась из-под копыт, заставляя натягивать давно нестираную повязку выше на нос. Легче не становилось, дыхание учащалось, но я продолжал так поступать при каждом новом коннике, вышагивающем слишком близко к пешим рядам, в которых я находился. — «Никогда не любил лошадей, как впрочем и людей, — воспаленные глаза, густо подведенные сурьмой, прошлись по ближайшим товарищам, плетущимся со мной в одном ряду. — Сброд. Мясо, которое ведут на убой во славу Халифа. Господин будет доволен увидеть, как города неверных пылают, нам же хватит и куска хлеба, лишь бы не подохнуть с голоду, как те, кто предпочел остаться на руинах городов, вспахивая давно исчерпавшие себя земли».

За моей же спиной не было ничего — ни дома, ни семьи. Держаться не за что, бояться тоже, ведь даже смерть обещала лишь лучшее существование; и некого оплакивать, кроме собственных ног, стертых от бесконечных переходов, и, пожалуй, шкуры, нещадно искусанной приставучими мошками.

Впереди несколько дней, которые я надеялся пережить, если не в зените славы, то хотя бы не растеряв достоинства, наподобие тех соратников по оружию, что сейчас плелись за двумя закрытыми на манер деревянной клетки повозками, отпуская срамные шутки в попытке схватить пленных девушек за бесстыдно оголенные ноги и кисти.

Одна из будущих рабынь что-то выкрикнула, пытаясь дать отпор знакомому мне пешему воину. Тот тут же взревел, взбешенный ее неповиновением:

— Неверная, сука!

Мужская рука прорезала воздух. Хлесткий удар по девичьей скуле захотелось вернуть его дарителю. Юсуф потирал ладонь, с ненавистью буравя несчастную, единственную, кто рискнул огрызнуться.

Подобные картины были слишком знакомы на протяжении всех лет моей службы. Всегда страдают побежденные, либо же те, кто оказался просто неудобным. Однако участь тех, кто показался слишком желанным, тоже не могла считаться за благо. Как правило, они страдали даже больше. Бесконечные походы вдали от своих жен и горячность боя воспаляли кровь,

подначивая на насилие и греховные мысли практически каждого, кто хоть раз прочувствовал кровь на своем клинке.

Юсуф занес руку для повторного удара. Тонкий девичий стан, укрытый теми оборванными тряпками, что остались от ее прежнего наряда, сжался в углу. Но стоило будущей рабыне поднять лицо, одаривая своего врага прямым, непобежденным взглядом, я узрел два черных колодца ее глаз. — «Такие умирают стоя, ведь не могут жить, склонив голову».

Влекомый необъяснимым порывом, я вышел из своего ряда — порядок в отряде и так был весьма условным. Уставшие после перехода Нила люди еле переставляли ноги, кланя мокрые сапоги и вездесущих пиявок.

— Постой. — Перехватив руку соратника, я посмотрел на девушку, заметившую меня и, наверное, успевшую испугаться еще сильнее. Черные омуты расширились, словно желая поглотить обидчиков своей болью. — Юсуф, тахорат¹ скоро, не марай руки о неверных, — как можно более отстраненно напомнил я, надеясь, что священное омовение перед положенной два раза в день молитвой покажется ему достойным поводом, чтобы не усугублять свою жестокость.

— Фаиз... — верхняя губа Юсуфа приподнялась в подобии оскала пустынной гиены. Мы никогда не были друзьями, как, впрочем, и врагами, но в это мгновение между нами разлилось напряжение, которое он даже не пытался скрыть. — Пытаешься спасти неверную шавку? У самого ни женщины, ни дома, так решил, что и остальные готовы жить подобно тебе?

Собравшиеся вокруг повозки одобрительно загоготали, поддерживая своего знакомого.

Шаг армии халифата неспешен, но не настолько, чтобы я не замечал приближающиеся кроны небольшой рощицы. Времени перед вечерней молитвой оставалось все меньше, а значит и вариантов, что никого из плененных девушек не заташат к себе в шатры Юсуф и ему подобные.

Я не был праведником — им сложно оставаться, когда оба лезвия в крови настолько, что горячие струи спускаются к ладоням, а иногда и до локтей, смешиваясь полосами с дорожной пылью и потом, — но и вид того, как собратья по оружию принуждением берут вопящих о пощаде, а иногда и о смерти, девушек всегда подкатывал к моему горлу смрадный ком удушья. — «Это неправильно».

Мы шли на сельджукские города не для этого. Единый Бог нес свое слово и просветление, а одновременно с этим его воины несли страх и насилие.

— Она еще ребенок. — Я отпустил руку Юсуфа, продолжая идти с ним в одном темпе. — Не о тех женщинах ты говоришь. Оставь девчонку, пусть Шахбулат решает на привале, что делать с рабынями.

— Тебе лишь бы за командиром прятаться. — Смех Юсуфа подхватили еще несколько воинов, прислушивающихся к нашему разговору. — Твоя взяла, Фаиз, — он сплюнул под разношенные сапоги, не заботясь о тех, кто шел следом, — сельджукская кошка останется цела, пока что... — протянул с глумливым намеком.

Вернувшись в свой ряд, я поплелся вслед за остальными. Мимолетное желание защитить того, кто вряд ли сможет оценить подачку завоевателя, теперь казалось глупым. — «Если Юсуф и его щенки вознамерятся заполучить эту девчонку или любую другую из числа плененных, то мои усилия будут подобны капле в Красном море, к водам которого мы и держим путь. Стоит быть тише, осмотрительней. Я и так успел сыскать славу нелюдимого человека. Не делил кров, предпочитая располагаться пусть и в отдалении от костров, но в сравнительном — насколько это возможно, находясь в лагере с несколькими тысячами воинов — одиночестве, ютясь под телегами с провиантом или бочками тягучих, неразбавленных водой вин, призванных для обработки ран и вечерних столов командиров; не брал себе ни походной жены, ни рабыни, с отвращением слушая женские крики, наполненные болью и мольбами к неверному

¹ Омовение перед молитвой. Проводится два раза в день.

богу, не собираясь становиться одним из тех животных, что считали себя вправе подавлять чужую волю лишь потому, что были сильнее. Не святой, но и не ублюдок, по крайней мере, я надеялся, что не являюсь самым худшим среди нас».

Тучи сгустились. Кроны рощицы становились ближе, и ноги благодарно ускорились, уже предвкушая вечерний тахорат, а после, когда молитвы вознесутся к молчаливым небесам, и сон. Пусть непродолжительный, но в некотором роде целебный.

Над головой пронеслась ласточка. Одиноким росчерком крыльев пичуга проскользила над нематыми головами мужчин, возвращаясь в темнеющую высь, готовую разразиться скорым ливнем. Маленькая и свободная. Ее никто не способен пленить, усадив в клеть, она подобно символу веры, что мы несли, грубо втапывая кровь в и без того красную пыль побережий. Она показалась мне хорошим знаком. Я не надеялся вернуться домой — не было места, которое я бы мог назвать своим домом, — но Великий Халиф обещал золото и почет, а выстроить стены и осесть в каком-нибудь тихом месте в ожидании старости — вполне желанная награда. Мне уже минуло два десятка лет, по меркам Аламутского государства я уже должен был обзавестись непременно располневшей после родов женой и выводком отпрысков, однако даже с учетом скорой победы — да поможет нам Всевышний, — я предпочел бы одинокую седину, нежели семейную суету.

Первые разряды грома встретили нас, стоило отряду достичь рощицы. Просветы в редких кронах не уберегали от крупных капель, срываясь на легкий кожаный доспех и яркие вкрапления кислицы под ногами. Шахбулат скомандовал привал, останавливая первые ряды, подняв шотель² вверх. Сталь сверкнула алым, отражая первые лучи заката.

Поправив ремень заплочных недубленных ножен, в которых покоились собственные парные клинки, я начал продвигаться к повозкам, держась поодаль от спешивающейся конницы. Скинув ножны, уселся на жухлую траву, облокотив занывшие из-за латунного канта мышцы спины на кособокую телегу с зерном для коз. Мальчишка Ага³, один из тех, что командиры держали для подручной работы, сноровисто обходил воинов по очереди, поднося тяжелый походный котелок, полный теперь уже не самой чистой воды.

— Вода для омовения. — Мальчишка низко поклонился, выказывая почести. — Позвольте, достойнейший.

— Брось, мы все равны. — Зачерпнув из котелка, я наскоро омыл стопы, кисти и лицо, не смывая, а больше размазывая дорожную пыль. — Благодарю.

Ага просиял. Так улыбаться способны лишь чистые детские души, сохранившие в себе крупицу света даже на руинах войны. Кивнув в знак ответного уважения, я отпустил прислужника к другим, ожидающим воды соратникам.

Таухид⁴ прошел в молчании. Наши молитвы отличались от песнопений неверных, дающих Единому Богу имена и порицаемые халифатом изображения. Ничего лишнего, лишь мысленный разговор с тем, кто создал все сущее, отображающийся в омовении не только тела, но и сердца молящегося. Как только пестрые одеяния мальчишек-прислужников вновь замелькали мимо походных шатров и одиночек вроде меня, начали раздаваться голоса и редкий, такой неприсущий войне смех. Разведенные костры разгорались пуще прежнего, облизывая медные бока чанов и котелков. Сглотнув слюну, я посмотрел на первые звезды, только-только пробирающиеся через сизое марево проходящей мимо рощицы тучи. Дождь не усиливался, оставаясь неприятной моросью на лихорадочно горячей от усталости коже. Дневной зной пустыни угасал, обещая прохладу ночи.

² Разновидность изогнутого меча.

³ Прислужник.

⁴ Вероисповедание в Фатимидском халифате. «Абсолютное Единство Бога».

Решив, что не смогу забыться сном на голодный желудок, я поплелся к ближайшему костру, намереваясь как можно скорее получить порцию подгоревшей каши.

— Фаиз, — знакомый латник протянул мне полный половник, опуская напоминающую жижу еду в протянутую мной миску, — думал, ты и сегодня откажешься подходить.

— Таир, если бы это являлось едой, я приходил бы к твоему костру чаще. — Я рассмеялся, но быстро потерял напускную веселость. — Еще один день перехода, и армия халифата истощит себя. Не время воротить носы от крох, что нам достаются.

— Терпим, что еще остается. — Опрокинув новый половник в миску другого воина (по моему, это был один из видимых мной ранее конников), Таир пожал плечами. — Возьмем Багдад, и яства потекут пряной рекой. Будем возлежать на парче и шелке в окружении сладкоголосых прелестниц.

— Ты слишком много слушаешь Мулу⁵.

В отличие от давнего знакомого, которым Таир стал для меня за все три года наших походов, я не столь яро внимал речам, сулящим каждому из нас безоговорочные блага. Многие осядут в походных мешках командиров, остальное — большая часть — уйдет к Халифу. Что останется простым копейщикам, латникам и конникам — можно лишь гадать и надеяться оплатить небольшую хижину да неразбавленное вино в честь победы. Конечно, особо отличившихся наградят лучше. И я лелеял мысль, что за все свои прошлые заслуги войду в их число.

— А ты слишком угрюм, мой друг, — поддел Таир. — Если не сохранять веру, то что еще нам остается? Я надеюсь на скорое возвращение домой, Найрият, должно быть, задалась своего вольного мужа, да и дети подросли за эти годы. — Скупая улыбка преобразила его запыленное лицо, стирая груз пережитого. — И не узнают меня, поди.

— Жена напомнит, если что, — отозвался я, собираясь на этом закончить ничего незначащий разговор.

За спиной послышались крики. Женские голоса быстро оборвались, уносимые ветром.

— Опять кто-то из Ага решил недодать пленным еды. — Таир сокрушенно покачал головой, рассматривая клеть повозки за моей спиной. — Ай, нехорошо, — прицокнул он.

— Пойду проверю.

Зажав миску, к каше в которой я так и не притронулся, я направился на тихие завывания голодных рабынь, проклиная свою сердобольность. Как и предполагал Таир, мальчишки-помощники оббегали клеть по широкой дуге, оставляя глухими к женским просьбам о куске хлеба и глотке воды. Девушки протягивали сквозь прутья дрожащие руки, то ли в молитве, то ли в проклятии, пытаясь дотянуться хоть до кого-то. Страх, плескавшийся в их глазах, никуда не делся, однако голод становился сильнее голоса разума. Один из воинов что-то грубо бросил в ответ, даже не повернувшись в их сторону, а я не мог отвести от них взгляда. На фоне обезумевших от голода и жажды особенно выделялась она — обладательница тех черных омутов, что чуть не стали причиной гибели от жадных помыслов Юсуфа. Девушка смиренно сидела в углу повозки: не причитала, не пыталась воззвать к совести своих мучителей, лишь сжимала лохмотья длинной юбки тонкими, словно прозрачными пальцами, не поднимая взгляда от истлевшей соломенной подстилки.

Ноги понесли меня быстрее. Фигура черноокой влекла помимо воли. В том не было ни постыдных страстей, ни здравого смысла, лишь ощущение правильности своего решения. Возможно, сам Всевышний управлял мной, помогая хоть чуть-чуть обелить душу, запятнанную кровью.

— Возьми. — Моя рука протянулась, предлагая рабыне нехитрое угощение.

⁵ Священнослужитель.

Другие женщины притихли, смотря на меня со смесью страха и недоверия. Долгожданная еда была так близка от них, но незнакомый мужчина, испещренный шрамами и зноем пустыни, видимо, вызывал слишком много опасений.

— Возьми, — повторил я настойчивее, просовывая миску через клеть.

Девушка подняла лицо, уставившись на меня взглядом, полным ненависти, и прошептала одними губами:

— Отродье.

Агата

Июнь 2054 года, город Санкт-Петербург.

Я резко распахнула глаза, рывком садясь на постели. Мокрые от пота простыни тут же показались ледяными.

— Опять эти сны... — шепот получился хриплым.

Два хлопка в ладоши, и автоматизированная система служебной квартиры услужливо включила свет.

Накинув поверх голого тела легкий халат, я прошла к окну, уставившись на ночной Питер. Никогда не любила ни жалюзи, ни шторы, которые теперь, кажется, считались чем-то вроде отголоска прошлого. Лишь слегка затемненная поверхность окна разделяла меня от города, полного огней и жизни. Шел 2054 год, но что-то так и не спешило меняться, например, маленькие улочки с входами-арками или любимая булочная, расположенная недалеко от работы. По воспоминаниям дедули, он посещал ее, еще будучи молодым, а теперь и я, набрав полный пакет манящей ароматом выпечки, любила прогуливаться пешком до дома.

Мимо окна неспешно пронеслась рекламная голограмма: «АО „ЗАСЛОН“. Мы делаем будущее!» — И с этим утверждением не мог поспорить даже такой прожженный циник, как я. Компания, в которой я работала уже пятый год, действительно не делала голословных заявлений. Помню, как дедушка сетовал, что единственная внучка выбрала совсем не женское, по его мнению, направление в учебе — инженер-радиотехник, но окруженная с младенчества всевозможными схемами, приемниками и оловом для паяльников, которое приятно чадило, стоило единственному родному человеку начать сборку новой радиолы, я не представляла другой жизни. АО «ЗАСЛОН» приняло в свои ряды, когда я была на последнем курсе института, и за последние годы работа переплелась с моей жизнью настолько прочно, что стала главной составляющей. И я несколько об этом не жалела.

Перед окном пронеслось еще несколько голограмм, теперь с упоминанием одного из отелей и двух новых анонсированных выставок в Военно-историческом музее артиллерии. Решив, что полуночного бдения около окна с меня довольно, я развернулась, направившись на маленькую кухоньку.

Электрический чайник издал сигнал, оповещая о готовности, а я поморщилась от промелькнувшей в висках боли.

Прошла уже неделя с того момента, как один неосторожный подросток ухитрился сбить меня на своем самокате, парящем на антигравитационной подушке. Или нет, не так. Прошла уже неделя, как одна неосторожная Агата, считала ворон, выйдя из метро «Московские ворота», поэтому и пропустила тот момент, когда паренек влетел в нее, а ее голова встретилась со ступенями.

Медицинский осмотр диагностировал сотрясение мозга. Не настолько сильное, чтобы продолжать валяться на больничной койке, но все же подходящее для больничного. Чему я, честно говоря, не особо радовалась. Прошел уже год с момента смерти дедушки, а так как моя хмурая натура не спешила сближаться с кем-то еще, разве что с Юркой — программистом, работающим вместе со мной в отделе, то одиночество четырех стен давило хуже любого больничного коридора. Я находила отдушину в «Заслоне», а сейчас вынужденно лишилась ее.

«Еще и эти странные сны...»

В первые ночи образы казались слишком размытыми, неясными. К моменту пробуждения я помнила лишь фантомное чувство боли, иногда примешивалось ожидание чего-то... и постоянное одиночество, настолько прочно вторившее моему собственному, что начинали закрадываться сомнения в обычности этих снов.

Но теперь все поменялось. «Фаиз? — я вспомнила имя мужчины, глазами которого наблюдала странные сцены, будто бы вырванные из далекого прошлого. — Почему он кажется мне знакомым?» — мысли путались, как и ноги, из-за поселившейся головной боли, поэтому, поспешно наполнив кружку чаем, я уселась на стул, по крупицам вспоминая образы. Закономерность своих снов я заметила не сразу, но она, несомненно, прослеживалась. Всегда один и тот же мужчина, нет, не мужчина, а словно я, в мужском теле. Молодой, по меркам современного мира, но рассуждающий так, словно там, в своем двенадцатом веке, уже успел перейти определенный возрастной порог, обрстая предрассудками и суждениями пожилого человека. Всегда одни и те же люди вокруг, хоть и большинство из них «мне» были не знакомы, в отличие от стали двух непонятных, изогнутых клинков. Вот к кому действительно прикипело сердце. «Шотель... кажется, так называется подобное оружие».

Но последний сон взбудрил не хуже ледяного душа. Глаза той девушки, напуганной, но несломленной, утягивали в бездну. За ними крылось что-то большее, чем просто игры моего разума, отвечающего на травму головы. И это даже пугало. Мне было двадцать пять лет — не так уж и мало, если задуматься, — но я до сих пор привыкла ощущать себя девятнадцатилетней девчонкой, с поправкой на появившуюся метеозависимость и боль в пояснице от постоянного неудобного сидения над схемами. Теперь же я заплутала в собственном сознании настолько, что смешала себя настоящую и того мужчину-воина, готового умирать за халифат. «Нет, — опять начав противоречить себе, поправила течение мысли. — Фаиз не собирался умирать за кого-либо, он хотел жить. В одиночестве и покое», — его мышление слишком сильно напоминало мое.

Отставив недопитый чай в сторону, я подошла к зеркалу. Гладкая поверхность протянулась от потолка и до самого пола, отражая совершенно обычную картину — светлые волосы, голубые глаза, чуть припухлые губы и далекая от идеальности, прописанной модными журналами, фигура. «Не так уж и плохо, если не заострять внимание». Моргнув, представила в руках своего отражения сталь, но тут же усмехнулась. «Слишком нелепо... Я-то и драться никогда не умела, старательно избегая любых конфликтов с самого детства».

Со стороны прикроватного столика противно завопил будильник. Я опять забыла отключить этого домашнего тирана, продолжая по привычке просыпаться под его сигнал будто на работу. Одновременно с ним раздался привычный рингтон. Подхватив смартфон, нажала на экран, выводя маленькую голограмму, попутно поправляя всклокоченные после ночи волосы и проверяя халат.

— Агата! — Голубоватое изображение парня приветливо помахало рукой. — Доброе утро! Так и знал, что ты наплевала на предписание врача и продолжаешь вставать в такую рань. — Юра, а это был именно он, задорно улыбнулся, из-за чего голограмма слегка исказилась, выдавая рябь помех.

— Обычная видеосвязь мне нравилась больше. И тебе доброго утра, Юр. — Я поморщилась, представляя, что мое собственное изображение точно так же начало сбоить на экране чужого смартфона.

— Пф, — Юра отмахнулся, — прошлый век! Не забывай, за «Заслоном» новые технологии, и мы тоже к этому причастны! Еще пару-тройку испытаний, проверка новой операционной системы, и я добыю эту функцию! Вот увидишь, весь мир будет пользоваться нашими голографическими звонками!

— Не сомневаюсь в тебе. — Улыбка вышла кислой. Обижать единственного человека, непонятным образом продолжающего терпеть мой характер и затворничество, мне не хотелось. Юра являлся ведущим программистом «Заслона» и в последние месяцы занимался разработкой новой системой звонков, как любой гений, чувствуя свое творение еще в зачатках. Но... я, признаться, тоже верила в его полный успех, не сомневаясь, что в нашей компании лишь лучшие спецы. Желая сгладить свое недружелюбное после сна поведение, постаралась гово-

рить более бодрым тоном: — Итак, гений российского программирования позвонил мне в пять утра, чтобы просто справиться о здоровье, или есть более веский повод?

Изображение Юрки встрепенулось. Маленькое и взъерошенное — наверное, он тоже встал не так давно, либо же, засидевшись за очередным изобретением, не ложился вовсе, — оно напоминало воробушка. Запустив полупрозрачную руку в такие же волосы, голограмма друга, замявшись, пожала плечами.

— Тут это, такое дело...

— Ну? — поторопила я, нетерпеливо посматривая в сторону душевой комнаты. Разговор толком не начался, но уже начинал утомлять, наверное, виной всему являлся недостаток бодрости, который я и собиралась получить под теплом расслабляющих струй. — Не тани, Юр. Что тебе нужно?

— Мне нужна твоя помощь, — выпалил он, состроив умильные глазки, напоминающие те, что я видела у рыжего кота в одном из старых мультиков.

— О, нет!

Я аж всплеснула руками, не сдержав эмоций. Последняя подобная «помощь» заключалась в том, что мой телефон перепрошили именно под эти голограммы, напрочь лишив спокойствия от привычной, хоть и, как говорил неуёмный коллега, «устаревшей» видеосвязи.

— Агаточка-а-а, — умоляюще протянул Юра, сложив руки перед грудью в молитвенном жесте. — Вопрос жизни и смерти. — На лице с изображения вновь вернулась ехидная улыбка, считая всю игру в ангелочка. — Ты ведь знаешь, я не отстану!

Знала. И слишком хорошо. Местному гению проще подыграть, чем постараться остановить полёт его мыслей и действий. Вздохнув, понимая, что заведомо проиграла ещё в тот момент, когда познакомилась с Юрой, я всё-таки ответила согласием:

— Хорошо. Но завтра, на сегодня у меня назначены очередные анализы, после которых я вряд ли буду рада гостям.

И отключила смартфон, борясь с желанием разбить его о стену.

Глава 2

Фаиз

Апрель 1125 года, окрестность города Дамаск.

Обойдя вздымающиеся воды Красного моря, мы выбрались к стенам Дамаска. Колыбель халифа, расположенная в долине реки Барада, поражала своим размеренным укладом. Проплетались души живших в столь благословенном месте, воплощаясь в искусстве и ткачестве, в кожевенном деле и в гончарном горне. Но не ради праздности армия халифата разбивала близ его окрестностей свой лагерь. Именно отсюда, преодолев не один месяц пути, мы и должны были двинуться дальше, направляя на Багдад свой гнев и сталь. Но я все равно ощущал благоговение и толику радости — нам предстояла продолжительная, длиною в несколько недель, стоянка, покуда запасы не пополнятся, а командиры не дадут отмашку к решающему бою.

Откинув полог походного шатра, я уселся на первый же тюфяк, набитый колючей соломой. На соседнем уже валялось чье-то нестираное тряпье, а еще один пустовал. Значит, как минимум, один сосед у меня имелся. Как бы я ни старался держаться в стороне, но столь долгое нахождение в осевшем лагере предполагало сны не под угловатой телегой, даже для такого нелюдимого человека... Я мог назвать себя многими определениями, но врагом своему телу или же глупцом становиться не собирался. — «Чтобы выжить в бою, нужно до него еще добраться, желательно, в добром здравии».

Полог дрогнул, пропуская внутрь Таира, заискрившегося неподдельной улыбкой при осознании того, что его соседом на эти дни, сам того не подозревая, стал я; и незнакомого копейщика, с легкостью приставившего древко своего оружия у входа.

— Сама судьба ведет нас вместе! — Таир похлопал меня по плечу, пройдя мимо к своему тюфяку. Туго обвитые тряпками ступни знакомого покрывали кровавые мозоли, растирая которые, он морщился, продолжая свои выводы уже шипя сквозь зубы: — Эти шакалы неспособны даже дать сносную обувь. Как прикажете идти на поганых сельджукидов⁶ в таком виде?!

Копейщик опустил на меня взгляд, убрав тряпки в сторону. Ничем не примечательный, на первый взгляд, молодой мужчина заставил присмотреться к себе внимательнее, как только поднял на меня свои светлые, почти бесцветные, глаза. — Таких глаз практически не встретишь среди верных, вернее, среди тех, кто родился на благодатной земле Аламутского государства, а вот рабы, обращенные в нашу веру насильно либо же добровольно принявшие таухид, часто выделялись именно этой чертой. — И это было тем немногим, что также послужило пересудам за спиной, ведь мои глаза, несмотря на фатимидского отца и давно принявшую истинную веру мать, походили на безоблачное небо, доставшись мне от бабки, перебравшейся в святые земли из Константинополя.

Заметив мой взгляд, копейщик коротко кивнул, представляясь:

— Акрам.

— А ранее? — не став скрывать своего интереса, спросил я.

Таир поднял голову, отвлекаясь от причитаний над ногами и прислушиваясь к нашему соседу.

— Александр, — отозвался тот. — Призван в армию халифа шесть лун назад, после взятия Кордовы.

⁶ Сельджукиды — тюркская династия, правившая в ряде стран Ближнего и Среднего Востока.

Я отлично помнил те бои. Будто бы в ответ заныл старый шрам между лопаток — стрела прошла стороной, лишь зацепив мышцы и застряла в коже ножен, но кровопотеря все же настигла чуть позже, когда наши воины собирали раненных и все ценное, что могли снять с тел поверженных врагов, обмораживая загрубевшие пальцы в холодной зимней грязи. Конечно, поговаривали, что там, на севере, куда взор великого Кийа Бузурга еще не устремился, залегли земли с более суровой и снежной зимой, но так ли это на самом деле и каким образом для нас закончился бы подобный бой в тех краях, я, рассматривая кровь, стекающую по ладоням и спине, как единственную жидкость хоть сколько-нибудь греющую в тот долгий месяц, даже не хотел думать.

Видимо, Александр, а ныне Акрам, был из тех немногих, кто склонил голову под праведным крылом муллы. Теперь мы на одной стороне, и глядя в бесцветные глаза копейщика, замечая решительный профиль, я не мог не признать, что рад этому. — «Подобные всегда опасны. Даже в качестве друзей».

— И сам оттуда будешь? — Таир с напряженной осторожностью придвинул ножны, будто готовясь оголить сталь, если бывший враг позволит себе резкое движение. — Много наших полегло от твоего копья?

— Не считал. — Акрам выдержал его взгляд, посылая ответный. Спокойный, словно даже немного уставший, голос молодого мужчины навевал старые воспоминания о тех днях. В нем сквозил холод и непокорность. — От твоих рук не меньше погибло. Я принял таухид, теперь мое место рядом с халифатом. А если тебе не терпится поразмяться, то только скажи, — он легким наклоном головы указал на свое оставленное копье, — выйдем из шатра, дабы не портить имущество армии халифа, но зла я не держу и бед навлекать не хочу.

Таир задумался. Темные брови почти сошлись на переносице, прочертив ту глубокой бороздой.

— И не лжешь, что принял Единого Бога?

Акрам покачал головой.

— Истину говорю.

— Ну и порешим на этом. А ты, — Таир вновь улыбнулся, становясь самим собой, подпихнув меня в бок, — Фаиз, что скажешь об этом Александре?

Намеренно назвав копейщика прошлым именем, Таир выглядел невинным, словно дитя, однако в глубине ореховых глаз плескались лукавые искры.

— Акрам не хуже и не лучше любого из нас, — отрезал я, не собираясь вступать с ними в споры. Мне было безразлично, кто умрет в бою, идя рядом, — бывший враг, пожелавший стать соратником, либо подданный халифата, таящий в себе большую чернь, чем любой из неверных. При мысли о Юсуфе заныли скулы. Наступала ночь, а значит, он и его шакалята вновь пойдут напиваться до потери сознания и приставать к плененным девушкам. — Оставим эти речи. — Закрыв полог шатра, я принялся стягивать пропотевший латник, намереваясь выспаться хотя бы сегодня. — На несколько недель мы соседи, хотим этого или нет. Так не будем уподобляться склочникам.

Вслед за латником на земляной пол легли и ножны. Взяв в руки шотель, тот, что был короче своего брата почти в половину, я придирчиво осмотрел лезвие, ища на гладкой поверхности изъяны. Оба клинка затачивались не чаще раза в луну, иначе изогнутая, будто серп, форма могла потерять свою крепость, но я находил успокоение в прикосновениях к холодной поверхности, не раз спасавшей мою жизнь. Это вселяло стойкость. — «Уж все лучше, чем поддаться праздности, подобно шайке Юсуфа».

— Вы-то сами откуда? — Акрам откинулся на тюфяк, заведя руки за голову, отчего моим глазам открылся длинный рваный шрам, идущий через все его предплечье и исчезающий в пройме нательной рубахи. — В погоне за верой или вражеское золото так же блестит, как и родное?

— Из деревушки по ту сторону Нила, — ответил я. — И да, не делю динары на свои и чужие. Все сгодятся.

— Фаиз из немногословных, — усмехнулся Таир. — Он старый одиночка, не припомню, чтобы кто-то слышал от него за раз больше одной фразы.

— А ты, как посмотрю, молод. — Отложив шотель, я наконец-то позволил телу расслабленно прилечь. Острые края соломы впивались в кожу, не найдя преграды в тонкой нательной рубашке, но я настолько устал за очередной день перехода, что был готов не обращать внимания на подобные мелочи. — Мы с Таиром ровесники, — пояснил для Акрама, переводящего заинтересованный взгляд с меня на слишком словоохотливого соратника и обратно.

— Только я красивее и удачливей, — поддакнул Таир. — Моя Найрият хорошо стряпает, да и дом всегда в чистоте и тепле, грех не выглядеть младше своих лет, даром, что троих сыновей воспитал. А у тебя, Фаиз, так жизнь и промелькнет, бесплодная, что земля в низовьях Нила. Нет, ну правда, — старый знакомый аж приподнялся на локтях, пытаясь разглядеть что-то на моем лице, — жена делает человека добрее. Тебе бы не помешало.

Лагерь огласил женский крик. Привычная суeta походной жизни улеглась, стоило закату отгореть, а потому слабый возглас показался подобным грому. Сомнений не было — кричала одна из плененных девушек. И причина крика тоже не вызывала вопросов...

— У них есть жены, но доброты не прибавилось. — Я встал с тюфяка. Рука потянулась к ножнам, но застыла на полпути. Командиры не одобряли поножовщину в рядах солдат, не стоило так подставляться. Взглянув в последний раз на свои клинки, я откинул полог, намереваясь ступить в ночь.

— Ты куда? — Таир едва ли не подпрыгнул, вскинувшись вслед за мной. — Проблем ищешь?

Не останавливаясь, я пошел в сторону повозок. Где-то там, насколько видел днем, оставалась и крытая клеть с рабынями. Девушек стало меньше за последние дни перехода: двоих забрали командиры, в том числе и сам Шахбулат, но та черноокая дикарка все еще оставалась нетронутой, лишь загнанным зверем скалясь на каждого, осмелившегося приблизиться к ней и ее соседке по несчастью — светловолосой пышной кордованке.

Искомая повозка нашлась быстро. Столпившиеся вокруг нее мужчины — тоже. Один из них успел выволочь светловолосую девушку и сейчас сдерживал трепыхающееся тело, грубо вжав в собственную грудь, другой рукой закрыв несчастной рот. Видимо, это ее крики были слышны лишь мгновением назад, так как черноокая рабыня продолжала молча сидеть на соломе.

Юсуф одобрительно посмеивался над своим товарищем и запуганной девчонкой, но, услышав мои шаги, обернулся. Едкий оскал, обнаживший ряд желтеющих зубов, изобразил подобие улыбки.

— Кого я вижу, — издевательски протянул он. — Решил присоединиться? Так извини, самим мало. — Юсуф развел руками. — Можешь прийти позже, обещаю, все останутся живы. А можешь остаться и понаблюдать в сторонке. — Глумливая улыбка стала шире.

Ладони сами сжались в кулаки. Я начинал жалеть, что оставил шотель в шатре, но, судя по довольной реакции Юсуфа, именно моего гнева он и добивался. Шакал жаждал крови, а кто именно доставит ему эту потеху — не столь и важно.

Девушка глухо замычала в широкую ладонь удерживающего ее воина. Заблестели дорожки слез, скатившись по щекам и затерявшись под мужской рукой.

— Зачем они вам? — старался отговорить от насилия, но видит Всевышний, сам не знал, как это сделать. — Да что я в самом деле? Неужто всех вознамерился спасти... Нет, — я посмотрел на черноокую красавицу, понимая, что именно она стала причиной моих порывов, — неужто смогла приглянуться...

В ответ на мой вопрос соратники, а лучше сказать, блудливые псы, разразились хохотом. Поморщившись, сделал глубокий вдох.

— Посмотрите на него! — Юсуф шагнул к клетке, отчего черноокая дернулась, но осталась сидеть на месте. — Наш праведный Фаиз не знает, зачем девка нужна мужчине! Так постой, Фаиз, посмотри, может, чему и научишься. — Дернув решетчатую дверь, он вцепился девушке в запястье, вздергивая ту на ноги. — Сельджукская кошка может и строптива, да только я сильнее. Не в первый раз норовистую кобылку объезжать.

Девушка зашипела, подобно гюрзе. Обхватив за тонкий стан, Юсуф рывком поднял девушку вверх, а после опустил рядом с собой так, чтобы я видел испуганное лицо. Крошечная фигурка в лохмотьях застыла, прижатая грубой рукой. Тонкая, будто неземная, на фоне крупного воина.

— Командиры против насилия, — я сделал первый шаг в их сторону. — Зачем вам проблемы? Шахбулат лично оскопит каждого, кто испортит рабынь Халифа.

— Шахбулат сейчас занимается тем же! В его палатке, как и в шатре его друга, уже несколько ночей не стихают стоны. А эти, — он схватил чернооку за подбородок, грубо сжимая его, — слишком просты для дворца Халифа. После взятия Багдада найдутся более достойные, чтоб греть его постель.

Со стороны пустыни подул горячий ветер. Миг, как это бывает во время боя, растянулся, и только бездонные омуты глаз продолжали затягивать. Девушка медленно поджала под себя руку, а после неведомым образом, подобно песчаной змейке, юркой лентой изогнулась в руках Юсуфа, одновременно с этим кусая того за ладонь. Юсуф взревел, откидывая строптивицу в сторону, будто котенка.

— Сука! Что стоите?! Ловите ее! — крикнул он на тех двоих, что застыли около клетки.

Черноокая мелькнула в темноте между шатров, и я понесся вслед, стараясь поспеть быстрее шакалов, кинувшихся вдогонку. Забежав за большой шатер, видимо разбитый для одного из командиров, я огляделся.

Ночь стояла звездная, но тонкий серповидный месяц не давал достаточно света, погружая спящий лагерь в практически непроглядную тьму с редкими всполохами дальних, около самой городской стены, костров часовых. Вдруг справа от того места, где я замер, мелькнуло серое полотно женского одеяния. Развернувшись в его направлении, я собрался нагнать беглянку, пока строптивная упряmica не попала в лапы голодных до утех воинов, но не успел.

Удар. Кто-то из приятелей Юсуфа навалился сзади, опрокидываясь вместе со мной на землю. Грузное тело придавило к потрескавшейся земле. Чужой локоть прижал шею, почти до хруста надавливая на и без того ноющие мышцы. Зачерпнув горсть песка, я кинул его в лицо напавшего, тут же зашипевшего ругательства на смеси арабского и огузского. Следом, не давая опомниться, полетел мой кулак. Костяшки гулко ответили на доставшуюся моей руке боль и зашипели, когда теплая кровь из разбитого носа попала на счесанную об горбинку, украшенную железной пластиной, кожу. Шакал заревел, подобно раненому зверю. Поднявшись на ноги, я перевел взгляд на край шатра, за которым скрылась рабыня. Острое желание добить, избавиться от земли хотя бы от одной твари, жгло каленым железом, но я и так потерял слишком много времени. Сплюнув скопившуюся слюну из пережатого горла и пнув все еще продолжающего скулить воина, побежал прочь, молясь Всевышнему лишь о том, чтобы он указал путь.

Тонкий девичий стан застыл на границе костров. — Вот же, успела выбежать почти до самых часовых, — подумалось мне. Черноокая жалась к крытой повозке с провизией, оставленной рядом с десятком подобных.

Размотав повязку, которую носил вокруг головы, пряча ту от дневного зноя, поспешно обернул тряпицу вокруг ладони. Два широких шага, — благо ростом не обделен, — и девушка застывает в моей уверенной хватке, даже не подумав дернуться. Повязка плотно прилегла к ее

рту, не позволяя произнести ни звука, и я рассчитывал на то, что это позволит нам остаться незамеченными для Юсуфа и его помощников или других охочих до женских прелестей.

До моей палатки слишком далеко, а бранные выкрики становились все ближе, даже часовые со стороны высоких костров начинали всматриваться в ночные тени, силясь угадать источники звука. — Кроме стоянки грузовых повозок, поблизости ничего нет. Решено, — подхватив, будто бы обессиленно обмякшую рабыню, я проник под своеобразный полог, в попытке затеряться среди бесконечных телег, образующих собой продовольственную улицу. И лишь приметив крупную повозку с высокими плетеными корзинами, полными инжира, остановился, переводя дыхание.

Касание девичьей руки, подобно праведному грому, пришлось по моей огрубевшей ладони.

Я продолжал зажимать ей рот, но, опустив лицо и встретившись с двумя черными лунами глаз, навсегда пропал, словно это я находился в ее власти, удерживаемый чем-то большим, нежели грубая сила рук. Тонкие пальцы слегка надавили на мои. Подчинившись, я все же убрал ладонь от красивого лица девушки.

— Буду молчать, воин, — ее голос казался подобным меду, — если не обидишь.

Агата

Июнь 2054 года, город Санкт-Петербург.

Вездесущий будильник успел прозвонить всего час назад, но я уже стояла на пороге, рассматривая слишком бодрого, как обычно, Юрку. Парень, нагруженный башней, основанием которой служил ноутбук, а верхушкой — свисающие провода различных цветов с непонятными металлическими пластинами на концах, разулся наугад, неаккуратно зашвырнув кроссовки в угол прихожей.

— Вообще-то тумба там, — я показала на низкие полки, сверху которых находился пуфик.

— Не ворчи, — отозвался коллега, отодвигая меня плечом, закрыв глаза на тот факт, что находится в гостях, а не у себя дома. — Куда заносить?

— На кухню, — буркнула я.

Юра, прокладывая себе путь наощупь, пыхтя от веса ноши и смешно передергивая носом, с которого слегка сползла дужка бесполезных, на мой взгляд, имиджевых очков, первым ввалился в указанную часть квартиры, с протяжным выдохом сгружая ноут и все остальное на стол.

«Ну, хоть успела прибраться, — отстраненно подумала я, понимая, что день будет долгим. — Следует запастись кофе».

— Агата, ты даже не представляешь, как меня выручишь! — Юрка споро раскладывал провода вокруг уже успевшего замигать экраном включения ноута. Придвинув один из двух имеющихся у меня стульев, он скомандовал: — Садись! Время дорого, а впереди нас ждут потрясающие открытия!

Плюхнувшись на стул, сложила на груди руки.

— Напомни, почему я согласилась?

Коллега снял очки и игриво стрельнул глазами. Радужки неоновро-розового цвета красноречиво указывали на новые линзы в арсенале программиста. Признаться, я не понимала этой моды, но не спорила, что прогресс не стоял на месте даже в таких мелочах — теперь хоть самый темный природный пигмент удавалось полностью скрыть любым другим цветом без потери качества зрения и без дискомфорта. Но, по-моему, некоторые слишком уж увлекались подобным, как, например, Юра. За пять лет совместной работы в «Заслоне» я так и не узнала, какого же цвета его глаза — парень постоянно красовался в слишком ярких, кислотных оттенках линз, считая, что они выгодно подчеркивают его черные волосы.

— Потому что втайне мечтаешь стать причастной к великому будущему! — Тон коллеги не подразумевал отказа, сочась непоколебимой уверенностью.

Поддев один из проводов, на конце которого находилась миниатюрная присоска, я с подозрением уточнила:

— Это что?

— Датчик, — последовал невозмутимый ответ. Юра копался в ноутбуке, открывая несколько программ одновременно и всматриваясь в побежавшие дорожки символов.

— Куда его лепить, боюсь спросить?

Нехорошее предчувствие, поселившееся во мне еще вчера после его телефонного звонка, разрасталось. Жизнелюбие нарушалось, если вообще присутствовало, тем, что в очередном странном сне я не смогла отдохнуть, проснувшись так, словно не выдуманный поврежденной головой Фаиз подошел к стенам Дамаска, а я, не иначе как на пузе, ползла по пустыне все эти километры пути. Пожалуй, будущий поход к специалисту откладывать не стоило, но пока что страх прослыть сумасшедшей перевешивал необходимость лечения разбушевавшейся фантазии.

Юра закончил настраивать программы, повернувшись с двумя датчиками, зажатыми в руках.

— Не бойся, я гений, а не извращенец. Хотя... одно другому не мешает, — будто задумавшись, протянул он, но, вернув на лицо сосредоточенное выражение, продолжил серьезным тоном: — Крепятся к голове с помощью маленьких, но сильных присосок. Собственно, поэтому никто из отдела и не согласился, — напоровшись на мой непонимающий взгляд, тут же пояснил: — Останутся небольшие гематомы. Кругленькие такие.

— И с чего ты решил, что я не против подобного боевого раскраса?

— Агаточка...

— Ненавижу, когда ты меня так называешь! — перебила, начиная закипать от этой сюсюкающей формы своего имени.

— ... только ты способна меня понять! — Юра продолжал как ни в чем не бывало, отказываясь слушать мое замечание. — Ты на больничном, еще неделю, а то и две будешь дома, синяки пройдут, никто их и не заметит!

— А в больнице? Что я скажу врачу? — Отговорка слетела с языка легко, даже не пришлось долго раздумывать над тем, как увильнуть от участи стать «синим леопардом».

— Я проверил твоё расписание, — широкая улыбка растянула тонкие мужские губы. — Тебе не нужно появляться в больнице еще восемь дней, а об остальном я позабочусь. Ну, или закажешь доставку еды, если не доверяешь моему выбору продуктов.

Я молча опустила руки, поняв, что избавиться полностью или отговорить Юру, явно загоревшегося очередным своим проектом, не выйдет.

Оба датчика с легкой подачи коллеги расположились на висках, а следом и еще несколько по всему периметру головы, из-за чего удлинённое каре встопорщилось, словно перья у недовольной и очень замерзшей курицы. Оценив дело рук своих и, видимо, придя к тому же сравнению, что и я, Юра произнес заговорщицким тоном:

— Могло быть и хуже, а так ты станешь той, чье имя войдет в историю! Конечно, сразу после моего.

— Как будто я этого хочу...

— Тс-с-с, — Юра прервал мой горестный вздох, приложив палец к своим губам. — Начинаем.

— Постой! — Оторвав одну из присосок, я возмущенно повертела ей перед его носом. — Ты не хочешь сначала объяснить, во что я ввязалась и что именно сейчас будет происходить?

Коллега сник. Даже плечи, обтянутые белой рубашкой поло, опустились. Приняв самый несчастный вид, видимо, призванный показать крайнюю степень обиды из-за моей подозрительности и неготовности ринуться в технический бой без лишних вопросов, он все-таки отобрал из моих пальцев несчастный датчик, водружая тот на прежнее место.

— Названия у проекта еще нет, будем считать, что оно в разработке. Принцип действия, как при электроэнцефалографии, но я модернизировал и сам аппарат, и программы для его работы, практически полностью переписав коды. Теперь эта малышка позволяет уловить не только активность мозга, вернее ее как раз и улавливает, но на абсолютно новом уровне! Агата, если я не ошибся в расчетах, то мы стоим на пороге открытия, которое позволит человечеству узнать все о своей душе!

— О душе? — повторила, не понимая, откуда взялось непонятное свербящее чувство. Слишком много совпадений за последние дни, или же это не совпадения, а судьба? — «А есть ли она вообще? Бред. Уже начинаю рассуждать как героиня дешевого романа».

— Да! Представляешь?! — Юрка едва ли не подпрыгивал от воодушевления. — Программа поможет раскрыть ее, так называемый «код». Понимаешь, Агат, ведь если верить некоторым ученым, наша душа живет множество раз в разных телах, в разное время, а может, вообще, на разных планетах! Только подумай. Что, если ты или я раньше были знаменитыми

актерами или талантливыми художниками? Тебе не кажется несправедливым, что душа остается все той же, но мы утрачиваем свои навыки, полученные в прошлых жизнях?

Я никогда не думала о подобном. Дедушка был скептиком, реалистом, потому и я выросла с подобным виденьем мира. Поверить в заговор властей или новое биологическое оружие — пожалуйста, но в эфемерную душу и то, что она может что-то изменить своим прошлым... — это было слишком.

— Ответь честно, ты спятил?

Юрка насупился. Казалось, шансы потерять единственного друга возрастали в геометрической прогрессии. Присев передо мной на корточки, он заглянул в глаза, медленно, будто уговаривая ребенка, начав вещать:

— Я проверил на себе. Все работает. Все воспоминания вытащить пока что не удалось, видимо, над этим процессом придется еще поработать, но кое-что я уловил.

— Например? — Уверенность в том, что теперь в комнате двое сумасшедших — я со своими снами и коллега, решивший изучить душу, надежно сформировалась, выливаясь в скепсис.

— В одной из жизней я был девушкой, — Юра поморщился, словно этот факт его задевал, наступая изящным каблуком на мужское самолюбие. — Судя по обрывкам воспоминаний, жилось мне не очень хорошо, да и особых навыков я не имел, так что похвастаться и выудить что-то полезное не получилось.

— А что, если и я... — замылась, так как произносить подобное было странно, — была кем-то незначительным? Пойдешь искать того единственного таланта, навешивая свои датчики на каждого встречного?

— Нет, конечно! — Отчего-то не верилось в правдивость его слов. — Но я уверен, Агат, с тобой все совершенно иначе! Ты по-любому окажешься интересным экземпляром...

— Лучше заткнись, — если потерпеть глупый эксперимент друга я еще могла, то вот числиться «экземпляром» не собиралась. — Или начинай, или убирайся.

Юрка просиял, даже хлопнул в ладоши, покрытые витиеватыми узорами черной татуировки. Эксцентричный и яркий, он был моей полной противоположностью, которая то бесила, а то заряжала порой так недостающей мне энергией.

Длинный палец опустил на клавиатуру и нажал какую-то комбинацию цифр, после чего ноутбук подозрительно загудел.

Датчики, присоединенные ко мне, нагрелись, не настолько, чтобы захотелось немедленно скинуть их, но довольно ощутимо. Под кожей словно поселились мелкие червячки, зашевелив волосы на затылке и висках, а перед глазами поплыло, пока полностью не потемнело.

Глава 3

Фаиз

Апрель 1125 года, окрестность города Дамаск.

— Семнадцать!

Плеть рассекла плоть, войдя в мышцы спины, словно горячий нож в масло — не встречая ни сопротивления, ни моего крика. Сжимая палку, наспех обмотанную кожаным шнуром, я впивался в нее зубами, стараясь не издавать ни звука на потеху собравшимся. Толпа то шумела, подобно волнам Красного моря, то гоготала, не хуже стаи гиен в родной пустыне, но, так или иначе, все они хотели одного — зрелища.

— Восемнадцать!

Плеть вновь прорезала воздух, выбивая остатки воздуха из моей груди. — «Осталось всего два удара из назначенных», — лишь эта мысль и черные глаза Гузель — рабыни, за которую я решил взять ответственность, держали в сознании, позволяя балансировать на грани.

— Девятнадцать!

Кожаная оплетка захрустела под моими зубами.

Юсуф оказался не так глуп, как я думал. Не став ввязываться в распри, он отозвал своих шавок, так и не нашедших ни меня, ни беглую рабыню в ту ночь, но обо всем доложил Шахбулату. К утру я уже стоял в его шатре, коленопреклоненный и оболганный в увиденной из-под носа честной добыче. Однако я не собирался сдаваться, успев для себя решить — Гузель будет жить свободной, хотя бы от насилия. — «Не могу вернуть ей погибшую семью или сгоревшую дотла деревню, но ее честь останется незапятнанной», — я дал ей слово, а она приняла его. Нехотя, с явным недоверием в огромных, заполненных непролитыми слезами глазах, но все же поверила мне. Теперь я не смел отступиться.

— Двадцать!

Последний назначенный Шахбулатом удар подкосил ноги, но когда двое подручных командира отвязали мои руки от столба, я все же устоял, вцепившись в гладкое дерево так, словно имел когти. Теперь, по закону халифата, Гузель считалась моей. Плети можно было бы избежать, приди я к начальнику сразу. Повинившись на коленях, попросить одну из рабынь себе мог почти каждый, но после лживых заверений Юсуфа, который утверждал, будто бы я буквально выкрал Гузель из чужой постели, все сложилось именно так, и никак иначе. — «Мужчина имеет право на любую, но должен иметь мужество заплатить цену», — прошелестели в голове слова Шахбулата, сказанные мне утром.

— Фаиз, брат! — Таир подошел сзади, протягивая мою рубаху, но не рискуя накинуть на изрезанные плечи и спину. — Скажи мне, что она стояла того, и я сам вознесу молитвы о вашем счастье.

— Опять ты...

Моя немногословность несколько его не смутила, напротив, казалось, что старый товарищ находит отдушину в наших скупых разговорах.

— Ну что ж, тогда обойдемся без молитв, — расплываясь в улыбке, откликнулся он. — Но это не означает, что мне нечем тебя порадовать! Нам с Акромом выделили другой шатер, а ты со своей походной женой можешь жить отдельно, на прошлом месте.

Мы поравнялись с неловко переступающей с ноги на ногу девушкой. При словах Таира о «походной жене» глаза Гузель сузились, затаив ненавидный блеск, обещающий мне скорее стать у горла, чем ласки в ночи.

— Она мне не жена, — осадил Таира, с облегчением наблюдая за чуть успокоившейся девушкой. — Можешь считать моей воспитанницей, но не более. Пойдем. — Кивнув Гузель, чтобы та шла рядом, я невольно оперся о плечо Таира, когда под босую ногу попался острый камень, незамеченный из-за слоя красной пыли, покрывающей его. — Благодарю, — пробурчал под нос, тут же выпрямляясь. Проявление слабости недопустимо в рядах армии Великого Халифа. Слабым место в могиле, а туда я не стремился.

— Да ты посмотри на него! — Таир гневно сплюнул, потрясая ладонью. — Места живого нет, а все от друга помощь не готов принять!

— Когда я называл тебя другом?

Глаза Таира, будто бы готовясь выпасть на песок под нашими ногами, округлились, но, заслышав мой скупой смех, он тут же вернул лицу нормальное выражение.

— Ай, шайтан! Ну, раз силы шутить остались, значит, жить будешь.

— Обязан, — отозвался я, пропустив за полог шатра сначала молчаливую Гузель, а после зашел сам, оставив Таира снаружи.

Девушка тут же вжалась в дальний угол, поджав под себя ноги и уставившись на скрепленные на коленях руки. Видимо, ее доверие ко мне оставалось не безграничным, однако спустя всего сутки нашего знакомства я не смел ее в этом упрекнуть.

Всего один мой шаг, и она тут же подскочила, выставив вперед руку с одним из моих кинжалов. — «И когда только успела достать, шальная».

— Не подходи! — вздернув подбородок, чтобы хоть как-то заглянуть превышающему ее в росте мне в лицо, выпалила она. — Или плеть покажется тебе сладким подарком!

Под ее пристальным взглядом я сделал второй шаг, а после опустился на свой лежак, откидывая сейчас бесполезную рубаху в сторону. Сил спорить не было, как и желания. Я не собирался угрожать или причинять вред той, за которую отплатил собственной шкурой, чтобы она не думала.

— Опустит шотель, — попросил, сам морщась от того, насколько уставшим был голос. — Поранишься.

— Я умею сражаться! — Черные глаза опасно сверкнули на узком лице.

— Я тоже. Но сейчас мы не на поле боя, а я защитил тебя перед Юсуфом и остальным халифатом не для того, чтобы потом самолично лишит жизни.

Тень сомнения, поселившаяся на красивом девичьем лице, смягчила его черты. Гузель отложила клинок в сторону, но недалеко от своего бедра, так, чтобы при желании проворная рука успела схватиться за рукоять, направляя сталь на врага — меня.

— Зачем тебе это?

Она спрашивала с жаром, ожидая моего ответа, а я и сам не до конца знал, что же привело к такому решению. Я никогда не был столь опрометчивым или импульсивным. И никогда ранее девичий стан не мог задурманить мой разум настолько, чтобы заставить пойти против своих же соратников. — «Шайтан попутал, не иначе... шайтан в пестрых юбках».

— Сам не знаю, — честно ответил я, опускаясь на живот. Соломенный тюфяк — не самая комфортная постель, но сейчас, имея на спине двадцать свежих окровавленных борозд, я признавал его подобным царственному ложу. Тело обмякло, давая почувствовать боль еще ярче. Повернув голову на импровизированной подушке так, чтобы видеть Гузель, я постарался говорить как можно мягче: — Тебя не трону — это уже обещал. Как видишь, обещания я выполняю. Ни Юсуф, ни кто-то другой из воинов не посмеет прикоснуться или хотя бы взглянуть в твою сторону. Закон один, и по нему ты — моя походная жена, хотя я и не собираюсь пользоваться своими правами на твоё тело. Живи спокойно. Дели со мной шатер, но не ложе. А после нашей победы отправишься, куда пожелаешь, возможно, даже вручу немного серебра, да медяков. Динары нынче всем пригодятся.

— И ничего взамен не попросишь за доброту? — Гузель колебалась, я видел, как недоверие и толика надежды борются внутри нее.

— Разве что рассказ.

— Рассказ? — окончательно растерявшись, переспросила она.

— Да. Я хочу знать, с кем делю кров. Поведай о себе.

Гузель рассмеялась. Впервые с того момента, как я заметил ее там, на дороге к Красному морю. Звонкий смех рабыни, подобно колокольчикам, развивающимся на ветру в дни празднеств на площадях и ярмарках, прошелся по шатру одного уставшего воина, и я не смог сдержать улыбки.

— Ну, хорошо, тогда слушай, Фаиз, — начала она. — Мое имя тебе уже знакомо, как и то, откуда я родом. Деревня, как и семья, остались далеко позади, втоптаные в пески благословенной пустыни сапогами твоего халифата. Если верить матушке, а память в последние годы подводила ее все чаще, мне пошел семнадцатый год. Немногим больше, чем погибшей сестренке, и почти на десницу лет меньше, чем у растерзанного сталью брата. Семья занималась ткачеством, не богаты, но и стол никогда не пустовал в нашем доме. Тот день, когда небо обрушилось на мою голову, должен был стать лучшим — я собиралась соединить свою жизнь с сыном местного лекаря...

Голос Гузель завораживал, отправляя по волнам повествования в далекие земли и рисуя лица тех, кого я никогда не знал, но, как бы ни пленила рассказчица, я не смог сдержать вырвавшегося вопроса:

— Как его звали?

Я хотел приподняться на локтях, чтобы лучше рассмотреть эмоции на прекрасном лице, но спина отозвалась свежей болью. Оставив эти попытки, вновь опустил щеку на жесткую подушку.

— Хасан, — будто неживым голосом отозвалась она. — Достойный человек... был достойным. Ныне превращен в пепел и в мои воспоминания.

— Вижу, твое сердце горюет по нему.

За все годы я не успел познать ни любви, ни привязанности, однако не считал себя черствым человеком. Боль других иногда задевала мою душу, хоть я и пытался отрицать подобные проявления слабости. В глазах Гузель плескались звезды слез на черном полотне ночи, завораживая и заставляя переносить часть той боли, что несла в себе хрупкая девушка, на собственные плечи.

Она кивнула, сглотнув единственную слезинку, соскользнувшую из уголка глаза.

— Мое сердце живо, а значит, ему больно.

— Разве не бывает по-другому? — Странные речи Гузель не находили во мне отклика. — Разве для того мы живем, чтобы испытывать боль?

— А для чего же еще? С болью рождаемся, с болью умираем... Даже любим, испытывая терзания ревности или горечь неразделенного чувства.

В шатре разлилась тишина. Настолько густая, что, казалось, будь у меня чуть больше сил, я смог бы резать ее клинком. Она давила, но каждый из нас, продолжая думать о своем, не спешил прерывать молчаливый плен. — «Гузель слишком молода, а уже успела повидать столько горя, неудивительно, что суждения ее далеки от тех, что предписывает таухид, — я верил, что мы живем для чего-то большего, нежели череда бесконечных страданий. Не успев вкушать мира и тепла собственного очага, я между тем продолжал надеяться на все блага в будущем. Оттого и называют странным...» — грустно подумалось мне.

Не выдержав первым, я отвернулся к стене, гулко произнося в тюфяк:

— Пора спать. Халифат встает с рассветом.

Ответа не последовало, лишь тихий шорох девичьих юбок. — «Надо найти для Гузель новое платье и платок».

Легкие шаги раздались за спиной. Просунув ладонь под подушку, я нащупал и обхватил рукоять малого кинжала, одним рывком, пронзившим каждую частицу тела жгучей болью, переворачиваясь и подминая под себя девичий стан.

В руке Гузель зажимала железный прут, неизвестно где найденный ею. Сталь моего кинжала замерла около ее горла.

— Просил же... — выдохнул я, понимая, что с ней будет намного сложнее, чем предполагалось.

Агата

Июнь 2054 года, город Санкт-Петербург.

— Агата, прекрати! Это я — Юра! Очнись!

Крики пробивались словно через застрявшую в ушах вату. Перед глазами все еще стояло лицо рабыни, испуганно смотрящее на сталь в мужской руке.

— Агата! Кх-кх, — надсадный кашель не подходил милому личику девушки, как и мужской голос, — да очнись же ты!

Я затрясла головой, стараясь вернуть себе ясность мыслей. Проморгавшись до выступивших слез, почувствовала холод и непонятную боль в ладони, тут же разжав пальцы.

— Как ты?

Зрение возвращалось, смывая картины неясного видения. Передо мной, облокотившись на столешницу, зажатый между ней и нависающей надо мной, стоял Юрка. Парень потирал горло, пытаясь откашляться. Завертев головой, я уставилась на один из датчиков, лежащих под нашими ногами. Заметив мой взгляд, Юрка прохрипел:

— Да-да, именно им ты и пыталась меня прирезать. Хорошо, что он оказался тупым, — хохотнул он.

— Это не я... вернее, не тебя и... — окончательно запутавшись, я схватила за голову. Оставшиеся датчики холодили пальцы, запутываясь во всклокоченных волосах. — Что это было?! — потребовав ответа, я перевела на коллегу умоляющий взгляд.

— Хотелось бы мне знать, — Юрка пожал плечами, а после поднял упавший датчик и шагнул ко мне, отстраняя мои ладони в сторону. Принявшись убирать присоски, он пожевывал нижнюю губу, украшенную колечком пирсинга. — М-м-м, наверное... что-то из прошлого твоей души. Ты кричала, а после накинулась на меня с этой штукой так, словно намеревалась прирезать. Честное слово, Агат, у меня даже не хватило сил тебя остановить!

— Это какое-то безумие...

Я помнила все видение целиком. Слишком ярко, чтобы ошибаться. Оно продолжало мои сны. Тот же мужчина, та же девушка, но все происходило еще более реалистично, настолько, что мне казалось, словно моя спина помнит боль ударов плети, а сердце разрывается от желания вновь увидеть ту самую Гузель... — «Глупости, еще этого мне не хватало!»

— Могу предположить, что твоя душа в прошлой жизни находилась в весьма сильном теле, — не отвлекаясь на мои внутренние переживания, не догадываясь о них, коллега потер шею, продолжая рассуждать: — по-другому не могу объяснить возросшую силу и реакцию, да и нападать на кого-либо не в твоих привычках, скорее это желание прошлого «я». Агат, ты помнишь что-нибудь?

— Помню, — вышло сухо, но голова все еще разрывалась на куски, как и мысли, превратившись в кусочки огромного пазла, рассыпанного по комнате.

— И? — Юрка уселся на корточки напротив меня, попытавшись взять мои заledenевшие ладони в свои, но, не позволив, я убрала руки за спину.

— Видела все это ранее. Только во снах, — уточнила я. — «Ух, остается надеяться, что друг не позвонит тут же в „скорую“, чтобы передать санитарам из рук в руки».

— И ты молчала?! — Подскочив на ноги, Юра принялся шагами мерить кухню, при этом активно жестикулируя. — Это же потрясюще! Я знал! Знал, что ты именно та, которая поможет в моем эксперименте! Но, — он осекся, останавливаясь напротив меня, — почему ты не говорила об этих... снах раньше? Как давно они начались? Они повторяются или всегда разные? — Вопросы посыпались один за другим. — Я хочу знать все, Агата! Немедленно расскажи своему старому другу все до мельчайших подробностей!

Закрыв лицо ладонями, я застонала, сползая на стуле.

Практически час ушел на мои бесконечные повторы одного и того же, а также расспросы не унимающегося программиста. Под конец разговора, совсем вымотанная, даже выжатая, я допивала уже пятую по счету кружку кофе, морщась от горького вкуса, но старательно убеждая себя в необходимости подзарядки.

— Ух, ну ты и даешь! — Юра хлопнул по коленям. Лицо друга выражало полный восторг, который я не разделяла. — Это же фантастика!

— Думаешь, я спятила? — кисло уточнила, скривившись при мысли об обитой матрасами комнате и успокоительных уколах... — «Ведь так обычно показывают „дурку“ во всех фильмах?»

— Нет! Конечно же нет! Просто твоя травма... она, наверное, как-то повлияла на те отделы мозга, что до сих пор не изучены, вот ты и начала видеть картины прошлого. Подумать только... — Юрка присвистнул, с восторгом безумного гения рассматривая мою сконфуженную фигуру, сжавшуюся на стуле. — С помощью моего изобретения мы доведем твои сны... видения, до нового уровня! Ты сможешь получить способности Фаиза! Ну, то есть, твои способности из другой жизни. Нужно срочно позвонить нашим ребятам в «ЗАСЛОН», они обязаны знать о подобном научном прорыве! Как же все вовремя!

Юра схватился за смартфон, но я вскочила со своего места, вырвав ни в чем не повинный аппарат из его рук.

— Только попробуй, — процедила, пряча руку со своей добычей за спину.

— Агат, ты не понимаешь...

— Нет, это ты не понимаешь, что со мной будет.

— Никто не причинит тебе вреда, — Юрка насупил, но попыток отобрать телефон не предпринимал.

— Я знаю. Доверяю нашей команде, как и самой себе, но... Юр, — надеясь на его поддержку и то, что программист оценит проявленное доверие, протянула смартфон обратно, — я пока что не готова говорить об этом. Только с тобой. Хорошо?

Юра колебался не больше пары секунд. Спрятав телефон в кармане джинсов, он отошел к столу, облокотившись поясницей и скрестив руки.

— Хорошо. Предлагаю уговор — ты и дальше сотрудничаешь со мной, а я храню наш эксперимент в тайне до того момента, как ты сама не посчитаешь нужным обнародовать его. По рукам?

— По рукам, — пожав протянутую ладонь, я почувствовала себя немного лучше. — Ну, что ж... с чего начнем?

— Агата, ты когда-нибудь хотела научиться пользоваться теми самыми клинками?

— Шотель. Такой клинок называется шотель, — бездумно поправила я, тут же прикусив язык.

— Вот! — Указательный палец Юрки нравоучительно указал вверх. — Ты начинаешь перенимать часть памяти. Даже сделала мне замечание с таким видом, словно я оскорбил те самые шо-те-ли, — по слогам протянул он.

— Просто запомнила, как их называл Фаиз, — попытка оправдаться прозвучала жалко, даже я сама это заметила.

— Не Фаиз, а ты.

Чувствуя, что виски сейчас лопнут от напряжения, я зажмурилась, потирая их кончиками пальцев. Слова Юры граничили с безумием, — «Хотя, почему только граничили? Они им и являлись! В чистом виде!» — но тогда выходило, что мы оба сошли с ума. Я — благодаря знакомству головы со ступенями, а друг — просто будучи беззаветно влюбленным в свою работу и вечные эксперименты.

— Хорошо, пусть так, — согласилась, стараясь хотя бы избежать пустых споров. — Допустим, что это не последствия травмы головы, которую врачи по халатности диагностировали как простое сотрясение, пропустив какой-нибудь жуткий диагноз в виде опухоли...

— Не перегибай палку.

— ...тогда я действительно была воином Фаизом, воевала за халифат, помогала рабыням и вообще слыла весьма хмурым типом.

Юрка неожиданно хохотнул. Сначала коротко, пытаясь спрятать смешок в кулаке, но после расхохотался в голос.

— Что? — Я устала на веселящегося друга, который без зазрения совести потешался над моим состоянием, утирая выступившие слезы.

— Прости, Агат, — еле успокоившись, выдохнул он. — Просто подумал, что ничто для тебя и не изменилось, вернее, для твоей души. Ты так и осталась «весьма хмурым типом», что не умоляет других твоих достоинств, но лишь подчеркивает теорию о том, что душа живет несколько раз. Она одна, а вот тело, время и обстоятельства — разные.

— Зато ты был клоуном, — буркнула, прячась за очередным глотком горького напитка.

— Возможно, — глаза под неоново-розовыми линзами задорно блеснули, — но доподлинно мы этого не знаем. Вот если ты меня стукнешь чем-нибудь по голове или подстроишь аварию, то...

Я поперхнулась. Кофе пошел носом, оставляя неприятные царапающие ощущения в носоглотке.

— Ты не исправим, — отплевываясь, хрипло выдавила я.

Глава 4

Фаиз

Май 1125 года, у стен города Багдад.

Увернувшись от копыт мчавшегося на меня коня, я перекатился по земле и рывком встал на одно колено. Правый шотель пропел в воздухе, обходя защиту легкого щита сбоку и утягивая вражеского конника вниз. Хруст, с которым его шея повстречала пески у стен Багдада, говорил о том, что добивать уже некого. Остекленевшими глазами враг уставился в безоблачное небо, отвернувшее от него свою благодать.

Стянув еще нескольких конников подобным образом, я остановился, стирая с лица чужие алые капли. Кровь быстро запекалась под палящим солнцем, неприятно стягивая кожу.

Никогда прежде я не видел стен Багдада. Этот город, после рассказов Шахбулата и других военачальников, представлялся нам раем, ниспосланным Единым Богом, наполненным золотом, сверкающей сталью и шелком, лишь по чудовищной ошибке отданным во владение сельджукидам. Перед армией халифата стояла святая миссия — очистить Багдад от скверны, водрузив знамена Великого Халифа на все его дома и минареты.

Отвлеченный блеском дальних костров, что разжигали неверные, дабы свергать по стенам города на наши головы раскаленное масло и смолу, я чуть было не пропустил удар латника, налетевшего со спины. Выкрутить конечности не составляло труда. Рука звучно вышла из сустава, и воин оглушительно заорал, но крик быстро затерялся в какофонии общей битвы. Отпихнув врага сапогом, я дождался, пока тот сделает болезненный шаг вперед. Увеличившееся расстояние позволило нанести боковой удар изогнутой сталью. Взмах, и шотель входит в его бок. Латник падает, так и не закончив второго шага, захлебываясь пузырящейся кровью с примесью песка, попавшего на его лицо.

Образы врагов и соратников давно перемешались, и не всегда удавалось понять, где свои, а где чужие. Этим и страшен бой. Его горячка берedit кровь в венах лучше всяческого вина и благовоний, но так же туманит рассудок, ведя руку, несущую смерть, не всегда в нужную сторону. Возможно, кто-то из рядов халифата не считал нужным горевать по случайным жертвам, предпочитая откупиться от голоса совести, которым с нами разговаривал Бог, богатством и теплыми женщинами, но я всегда старался сохранять разум, боясь увидеть перед собой мертвые глаза соратника. Как бы там ни было, зная Юсуфа и его желание покончить со мной, я не только старался держаться на другом краю поля, но и оставил Гузель в палаточном лагере под присмотром двух мальчишек-служек, дав тем монеты и малый кинжал. В случае беды они помогут рабыне скрыться или хотя бы принять достойную смерть, поборовшись с врагом за право отстоять свою честь. Гузель... При мысли о бездонных глазах девушки я чуть было не пропустил следующий удар, идущий от конника сверху, но вовремя вырвавшись из чарующего плена, одним взмахом стали вспорол коню брюхо, а вторым — уже и горло упавшего воина. Околдовала, не иначе! За подобное могли и казнить, но я не собирался выказывать свои опасения, решив, что колдовские чары Гузель — не самое страшное из земных наказаний.

Рядом со мной упал еще один латник. Вскинувшись в его сторону, я заметил шальную улыбку Акрама. Наконечник его копья, судя по виду, давно покрылся толстым налетом крови, успев застыть бурыми пятнами, однако древко, вошедшее последнему поверженному в грудь чуть ли не наполовину, блестело свежим багрянцем. Наступив на пробитые ребра поверженного, Акрам вытянул копьё полностью, готовый встретить следующего врага, но, заметив мой взгляд, рассмеялся:

— Долгих лет жизни тебе, Фаиз!

— Долгих... — повторил я, наблюдая, как спина бывшего соседа по шатру сливается с морем похожих, жаждущих чужой смерти и своей победы.

Прорываясь к стенам города, я еще несколько раз останавливался, то подныривая под копыта, перекатываясь по потрескавшейся земле, словно только так мог избежать удара, а на самом деле играя со смертью, то застывая, когда перед глазами вырастала очередная груда из стянутых в одну кучу еще не успевших остыть тел. Проходить такие завалы особенно тяжело, даже не из-за шатких сапог, порядком натерших голени, а из-за моральных терзаний, о которых я вспоминал хоть и нечасто, но слишком ярко.

Наконец, остановившись у северной стены, подальше от бойниц, — слишком редко расположенных по всему периметру, настолько, что сельджукидам не удавалось скинуть всех наших воинов, — я прильнул к решетчатому окну городских стоков. Решетку уже частями вынесли те, кто добрался до удобного лаза быстрее меня. Не самый благородный способ попасть в город, но зато верный. Иной раз хитрость способна спасти жизнь не хуже стали. Проскользнув сквозь оконце, я тут же поднялся, примечая близ стены несколько позабытых на время боя торговых лавок. Не теряя времени, добежал до ближайшей, по пути встретив преграду лишь от одного неверного, быстро осевшего под наполненные засушенной хурмой корзины из-за удара рукоятью малого кинжала. Шотели покоились в наспинных ножнах, ожидая своего часа; в отличие от поля боя, сейчас, в условиях узких улочек и крошечных лавок, они становились обузой, поэтому, перехватив кинжал увереннее и мысленно попросив прощения у любимых клинков, я двинулся дальше, скрываясь за стенами, наполненными шелковыми отрезами и плетеными корзинами с завернутой в папирус сурьмой.

«Сюда бы Гузель...» — пронеслось в мыслях при взгляде на эти богатства. Возможно, тогда я бы смог увидеть ее улыбку. Хоть раз. Я сам себе удивлялся, ведь теперь все блага, которые обещал нам Халиф, я, не раздумывая ни мгновения, желал потратить на бывшую рабыню. Меня больше не прельщало то одинокое существование, о котором ранее грезил.

Попав из одной лавки в соседнюю, соединенную с ней общим коридорчиком, по которому, должно быть, перемещались торговцы, скрытые от глаз покупателей и обычных зевак, а после и в третью по счету, я наконец-то выбрался на узкую улочку с противоположной стороны внутреннего двора. Здесь было тише. Звуки боя, развернувшегося за стенами Багдада, долетали неясными обрывками, пугая жалко жмущихся по углам женщин и детей. Видимо, этим несчастным не удалось скрыться в надежно укрепленных особняках и питейных лавках. Или болезнь, из-за которой они считались недостойными, или же отсутствие денег, — а судя по их обноскам, так и было, — закрывали путь к относительной безопасности, оставляя большинство жителей на попечение коварной судьбы-насмешницы.

Свернув в переулок, я наткнулся на одного из шакалов Юсуфа. Имя этого латника осталось для меня неизвестным, но рожу, перекошенную не только рваным шрамом, но и смесью злобы и похоти, я запомнил еще тогда — ночью у кованой повозки с рабынями. Теперь же латник тянул брыкающуюся женщину прямо по земле, не обращая внимания ни на ее мольбы, ни на проклятия, накрутив длинные черные волосы на кулак, заляпанный чьей-то кровью. Несчастная вопила охрипшим горлом, пытаясь отцепить мужские пальцы, но сил не хватало.

— Да заткнись ты! — прикрикнул тот, встряхивая девушку так, что ее голова дернулась будто у тряпичной куклы. — Сама напросилась, кошка блудливая! Надо было в доме прятаться, а не по углам сидеть! Считай, меня ждала...

Моя ладонь сильнее обхватила рукоять кинжала. Я видел подобные сцены множество раз и каждый раз проходил мимо, признавая право «братьев» на боевой трофей, будь то золото или чужие женщины неверных, но не в этот раз... Образ латника, застывшего около прутьев, за которыми сидела Гузель, всколыхнул гнев, оказавшийся слишком большим для того, чтобы не излиться на его голову. — «На месте этой женщины могла быть моя черноокая...»

— Ну уж нет! — сквозь зубы процедил я, шагая вперед.

Тени переулка надежно скрывали, особенно когда занят совсем другим — вроде кричащей и извивающейся жертвы, — чем я и решил воспользоваться, направившись вперед настолько стремительно, насколько позволяли оставшиеся после основного боя силы. Кулак встретился с его челюстью лишь за мгновение до того, как я увидел удивление в карих глазах шакала. Грузное тело упало в зловонную жижу, образовавшуюся от выплескиваемого из окон содержимого ночных горшков, пепла от догорающих городских ворот и песка, налетевшего из пустынной части предгорода.

Девушка отползла на коленях, боясь даже посмотреть в мою сторону. Непрестанно кланяясь и содрогаясь от мелкой дрожи, она пятилась, так и не поднимаясь на ноги, пока не вжалась в стену одного из ближайших домов.

— Не трону, — обронил я ей, наклоняясь над бессознательным латником. — Найди укрытие, если не хочешь, чтобы это повторилось.

— Храни Вас Бог, — я практически слышал, как стучат ее зубы, выбивая дробь от пережитого ужаса. — П-почтенный г-господ-дин.

Девушка лепетала еще что-то, наверное, продолжала благодарить, но я уже не слушал, всматриваясь в лицо подручного Юсуфа, приподняв того — как он ранее эту несчастную — за волосы. Взмах. Короткий, сдержанный. И в лицо брызнули горячие струи. Разжав пальцы, наблюдая за тем, как шакал с перерезанной глоткой вновь встречается с землей под моими сапогами, я стер кровь с лица, поднимаясь на ноги. Мой путь шел в центр Багдада, туда, где заседали их халифы. Не стоит терять еще больше времени.

Тихий шорох достиг слуха слишком поздно, а резкий удар сзади заставил выгнуться.

Боль пришла неожиданно, вонзившись в не успевшие полностью зажить мышцы спины, а следом пришла темнота, нарушаемая лишь криками той девушки, вопившей о каком-то убийце и спасителе.

Агата

Июнь 2054 года, город Санкт-Петербург.

— Аааа! Черт! Что это было?!

Я орала, сидя на мате в спортивном зале АО «ЗАСЛОН», только несколько минут назад придя в себя после очередного видения, которое, из-за нескольких сеансов, проведенных в виде подопытной мыши Юрки, я начала видеть уже и без необходимости засыпать или же быть подсоединенной к датчикам. Подобное пугало. Слишком часто я начала отключаться в совершенно неподходящих для этого местах. — «А бывают подходящие?» — Сейчас же меня словно выкинуло из очередной картины прошлого, оставив напоминание в виде острой, кинжальной боли в районе лопаток.

Юра сидел рядом, с любопытством исследователя-психопата. — «Доктор Зло, блин!» — Я лягнула друга, к сожалению, попав только по кроссовку.

— Опять что-то видела? — Нисколько не возмущившись попыткой нападения, он придвинулся ближе, пытаясь заглянуть мне под футболку, приподнимая ту на спине. — Что там? Болит? Ударилась?

— Иди к черту! — Стукнув садиста, невесть как записавшегося в ряды программистов, по ладоням, я постаралась повести плечами, но вновь натолкнулась на отголосок той самой боли.

— Может, там рана! — Голос Юры звучал слишком... радостно, словно подобная перспектива была лишь интересным дополнением к его эксперименту.

— Ничего там нет, просто болит, — выдохнула, пытаясь не убить друга прямо на месте.

— Все равно надо проверить!

— На! Проверяй! — Рванув край футболки вверх, оголяя часть спины, я с психом прикрикнула: — Ну, что? Может, крылья выросли или копьё торчит?!

Юрка молчал, изучая промежуток между лопатками. Тихое недовольное сопение красноречиво указывало на то, что никакого видимого ранения не обнаруживалось, что, наверное, не вписывалось в какую-нибудь новую теорию «мастера по душам».

Теплая подушечка пальца прошлась по тут же покрывшейся мурашками коже, и я передернула плечами, разрывая неожиданное прикосновение.

— Ну? — не выдержав, подначила его. — Жить буду?

— Тут только родинка, — он сам опустил край футболки, возвращая на место. — Маленькая, но прямо посередине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.